

ВВЕДЕНИЕ

«Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах...» – так определяет А.С. Пушкин суть художественного произведения в своей замечательной статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница». Давайте внимательнее вчитаемся в эти слова, вдумаемся в них. Сначала попробуем разобраться, что имеет в виду Пушкин, говоря об «истине страстей»?

Вспомним, как ведут себя дети в театре. Они пытаются вмешаться в действие на стороне сил Добра, желая уберечь героев от опасности. Зная почти наизусть сказку о Красной шапочке, они каждый раз при виде происходящего на сцене забывают о том, что это только сказка, и хотят во что бы то ни стало спасти девочку, подсказывают, кричат ей: «Берегись! Не верь волку!»

Вспомним также известную историю с Дон Кихотом, который был столь возмущен поведением кукольных мавров, преследовавших кукольных рыцаря и принцессу, что выхватил меч и изрубил марионеток в куски. Это, конечно, фарс, смешное преувеличение, которое кажется нереальным. Однако вот отрывок из сочинения девятиклассницы по «Мертвым душам» Н.В. Гоголя: «Поэма скучна, потому что скучна изображенная жизнь. Становится не смешно, а страшно, когда видишь, среди каких людей жил Гоголь...»

Мы можем, конечно, сказать, что подобная реакция, подобное восприятие художественного произведения вызваны детской наивностью и доверчивостью. Но вот стихотворение А.С. Пушкина «Элегия», где мы находим такие строки:

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...*

Пушкина не назовешь наивным читателем, но и он, владеющий всеми тайнами художественного творчества, прекрасно знающий, как создаются литературные произведения, обливается слезами над прочитанным, переживая его как самую реальность. Значит, дело тут не столько в читателе или зрителе (хотя и от его восприимчивости и отзывчивости зависит многое), сколько в природе и свойствах художественного произведения, тех самых свойствах, которые Пушкин определил как «истину страстей и